

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 3. С. 447–470.
Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 3, pp. 447–470.

Научная статья

УДК 323.1

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-447-470>

ДИНАМИКА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНА И ГРУЗИИ)

Татьяна Борисовна Витковская¹, Мария Викторовна Назукина²✉

^{1,2} Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Институт гуманитарных исследований Уральского отделения РАН, г. Пермь, Россия

¹ vit.tatiana@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1281-1292>

² nazukina@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0190-0513>

Аннотация. Введение: в современном мире существуют разнообразные движения за самоопределение, многие из которых переросли в масштабные политико-территориальные конфликты, продолжающиеся и сегодня. Показательные примеры такого рода движений являют собой страны постсоветского пространства. **Цель:** выявление вариативности в траекториях развития движений за самоопределение в Грузии и Азербайджане. **Методы:** кейс-стади, метод сравнения кейсов: анализируются пять движений, выступающих за самоопределение этнических групп (три определяют себя во взаимодействии с грузинским государством, два – с азербайджанским). **Результаты:** в ходе исследования установлено, что основой движений является этническая идентичность. Выделены три случая, которые демонстрируют схожую динамику: карабахское, абхазское и южноосетинское движения вовлечены в воспроизводящийся конфликт за самоопределение и являются примерами успешных движений. Определено, что два случая – аджарское и талышское движения – продемонстрировали спад динамики и постепенное угасание. **Выводы:** периодом высокой активности и успехов в самоопределении стала первая половина 1990-х годов, когда Азербайджан и Грузия проходили через системные трансформации и становление собственной государственности. Далее их интенции по восстановлению управляемости и поддержанию территориальной целостности столкнулись с волей движений к самоопределению и самоуправлению. На ход противостояния влияет также поддержка со стороны России или «родственного» государства этнического меньшинства. Траектория развития движений определяется динамическим соотношением сил противоборствующих сторон.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: движение за самоопределение, этническая группа, политический конфликт, постсоветское пространство

Благодарности: исследование выполнено в Пермском федеральном исследовательском центре Уральского отделения РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00530 «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства», <https://rscf.ru/project/23-18-00530>.

Для цитирования: *Витковская Т. Б., Назукина М. В.* Динамика самоопределения этнических движений на постсоветском пространстве (на примере Азербайджана и Грузии) // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 3. С. 447–470. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-447-470>.

Original article

ETHNIC MOVEMENTS SELF-DETERMINATION DYNAMICS IN POST-SOVIET STATES (THE CASES OF AZERBAIJAN AND GEORGIA)

Tatyana B. Vitkovskaya¹, Mariya V. Nazukina²✉

^{1,2} Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia

¹ vit.tatiana@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1281-1292>

² nazukina@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0190-0513>

Abstract. Introduction: the modern world includes a variety of self-determination movements, many of which have grown into large-scale political-territorial conflicts that continue to this day. The post-Soviet countries provide illustrative examples of this kind of movements. **Objectives:** to identify variability in the development trajectories of self-determination movements in Georgia and Azerbaijan. **Methods:** case-study, comparable-case method: five movements advocating self-determination of ethnic groups are analysed (three movements define themselves in interaction with the Georgian state, two – with the Azerbaijani one). **Results:** the research has revealed that the basis of self-determination movements is ethnic identity. Three cases have been identified to demonstrate similar dynamics: the Karabakh, Abkhaz and South Ossetian movements are involved in a recurring conflict for self-determination and are examples of successful movements. Two cases – the Adjarian and Talysh movements showed a decline in dynamics and a gradual extinction. **Conclusions:** the period of high activity and success in self-determination was the first half of the 1990s, when Azerbaijan and Georgia were going through systemic transformations and the formation of their own statehood. Further, their intentions to restore governability and maintain territorial integrity clashed with the will of movements for self-determination and self-government. Support from Russia or a kin-state of an ethnic minority also affects the dynamics of the confrontation. The development trajectory of the movements is determined by the dynamic balance of opposing forces.

Keywords: self-determination movement (SDM), ethnic group, political conflict, post-Soviet states

Acknowledgements: the research was supported by the grant program of the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00530 “Why adopt inefficient institutions? Political-territorial heterogeneity management and ensuring the territorial integrity of the state” at Perm Federal

For citation: Vitkovskaya, T. B. and Nazukina, M. V. (2023), "Ethnic movements self-determination dynamics in post-Soviet states (the cases of Azerbaijan and Georgia)", *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 3, pp. 447–470, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-447-470>.

ВВЕДЕНИЕ

Движения за самоопределение и политико-территориальные конфликты возникают как следствие политизации различий на основе идентичностей разного типа, ключевое место среди которых занимает этническая идентичность. В ряде стран мира усиливается стремление к самоопределению этнических групп, возникают сепаратистские движения. База данных "Ethnic Power Relations", выпущенная в 2021 году, указывает на существование более 800 политически релевантных этнических групп¹. По данным К. Рота, движений, выступающих за обретение какой-либо степени автономии, в мире тысячи (Roth, 2015, p. 553–626; Туров, 2021, с. 4).

При этом довольно часто причиной конфликтности становится столкновение двух принципов международного права – самоопределения народов и территориальной целостности. Первый принцип закреплен в Уставе ООН и означает «право каждого народа самостоятельно решать вопрос о форме своего государственного существования, свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое и культурное развитие»². С другой стороны, между государствами действует принцип территориальной целостности, который нацелен на защиту государственных границ от внешней агрессии. Поэтому поиск вариантов сбалансированной политики по управлению политико-территориальным разнообразием приобретает большую значимость.

Постсоветские страны являются яркими примерами существования разнообразных движений за самоопределение, многие из которых переросли в масштабные политико-территориальные конфликты, продолжающиеся по сей день. В данной статье рассматриваются две такие страны – Грузия и Азербайджан. И там и там развиваются территориальные конфликты, связанные с воссоединением в прошлом разобщенных этносов. И там и там между правительством и движением, выступающим за самоопределение, можно наблюдать вооруженные столкновения. Несмотря, однако, на внешнее сходство ситуаций, актуальным является вопрос о присутствии вариативности в траектории движений за самоопределение в этих странах, существова-

¹ *Ethnic Power Relations* (EPR) core dataset 2021 [Online] // EPR Dataset Family. Eidgenössische Technische Hochschule Zürich. URL: <https://icr.ethz.ch/data/epr/core/> (Accessed June 11, 2023).

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]: принята резолюцией Генер. Ассамблеи Орг. Объедин. Наций № 2625 (XXV) от 24.10.1970. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 14.06.2023).

нии нескольких случаев с разным результатом, что дает возможность выявить закономерности и проанализировать влияние факторов на динамику и успешность таких движений.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологию статьи составляют принципы современных исследований автономистских и сепаратистских требований и движений за самоопределение (Beramendi, 2014; Buchanan and Faith, 1987; Cunningham, 2014; Eck, 2009; Sambanis et al., 2018; Griffiths, 2015, 2016; Juon, 2020; Wood, 1981; Lynch, 2004; Swain, 2007; Cederman et al., 2015).

Ф. А. Попов в своей фундаментальной работе «География сепаратизма в современном мире» определяет сепаратизм «как политическое движение, направленное на выход территории из состава материнского государства под действием внутренних импульсов». В данной им дефиниции в центр категоризации помещено движение. Как отмечает ученый, «сепаратистское движение – это, прежде всего, определенным образом выделенный участок политического пространства», который предполагает «разрыв в действительном поле государственной власти» (Попов, 2012, с. 9–10). Автономизм, в свою очередь, есть «политическое движение, направленное на повышение степени самостоятельности некоторой территории без выхода из состава государства, то есть не-сепаратистская форма сепаратизма» (Попов, 2012, с. 23). Такие движения стремятся к политическому конституированию региона, обретению им политической субъектности и включению его в политический процесс (Витковская и Назукина, 2021, с. 70).

И. Л. Прохоренко в монографии «Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах – членах Европейского союза» отмечает, что употребление термина «сепаратизм» является оправданным в науке о международных отношениях. Вместе с тем автор пишет о необходимости обращения к внутренним факторам, «динамике этнополитической и иной конфликтности в многомерном и многоуровневом политическом пространстве государства» (Прохоренко, 2018, с. 12–13). Поэтому внимание должно уделяться также ирредентизму, предполагающему не только сепарацию от одного государства, но и слияние с другим.

В данной статье движение за самоопределение понимается в трактовке, предложенной исследовательской группой Лаборатории по изучению идентичности и конфликтов Пенсильванского университета под руководством профессора Николаса Самбаниса³. Движение за самоопределение характеризуется как «связанное с этнической группой и заявляющее о расширении самоопределения от государства», а самоопределение – как «определяемое группой право на самоуправление в пределах территории» (Sambanis et al., 2018, p. 658).

³ *Self-Determination* [Online] // Official website of the Penn Identity and Conflict Lab, University of Pennsylvania. URL: <https://web.sas.upenn.edu/pic-lab/projects/causes-of-conflict/self-determination/> (Accessed June 10, 2023).

Самоопределение трактуется достаточно широко, чтобы выступать целью как движений, требующих отделения (создания отдельного государства или слияния с другим государством), так и движений, требующих большей внутренней автономии. Движения за самоопределение могут бороться за право собирать и расходовать налоги, поддерживать оборону, иметь автономию в отношении языковой и культурной политики, определять границы территории, с которой группа себя идентифицирует, или выдвигать другие требования, имеющие политическое значение. Этничность тоже трактуется широко: регион происхождения рассматривается как маркер этнической принадлежности, так же как раса, религия, язык и т. п. (Sambanis et al., 2018, p. 659).

Статья посвящена этническим движениям в Азербайджане и Грузии. Выбор именно этих стран на постсоветском пространстве обусловлен их этническим разнообразием и тем, что они демонстрируют примеры активности этнических меньшинств, разворачивающейся в сходных условиях. Оба государства – светские и правовые, полиэтнические и унитарные. В Азербайджане основные этнические меньшинства – армяне, лезгины и талыши; в Грузии – абхазы, южные осетины, аджарцы, кроме того, есть азербайджанская и армянская диаспоры.

Для анализа выбраны движения, выступающие (или выступавшие) за самоопределение этнических меньшинств. В соответствии с целью исследования в статье отдельно рассмотрены те движения, которые добились успеха и продолжают сохранять активность, и те, чья активность существенно снизилась.

При выборе случаев для углубленного изучения авторы ориентировались на оценки этнических движений, данные в рамках двух крупных проектов, посвященных политической активности этнических групп и этнополитическим конфликтам. Речь идет, во-первых, о проекте по мониторингу этнополитических конфликтов «Меньшинства в потенциально опасной ситуации» (Minorities at Risk, MAR) Центра международного развития и управления конфликтами Университета Мэриленда (Center for International Development and Conflict Management (CIDCM), University of Maryland)⁴; во-вторых, о проекте «Географическое исследование войны (объединенная платформа)» (Geographical Research on War, Unified Platform) Исследовательской группы по интернациональным конфликтам Центра сравнительных и международных исследований Швейцарского федерального технологического института в Цюрихе (The International Conflict Research (ICR) group, Center for Comparative and International Studies at ETH Zurich)⁵.

Как случаи успешных в самоопределении этнических групп, сформировавших активные до настоящего времени движения, были выбраны этнические группы, оцененные в проекте MAR как «политически активные»,

⁴ *The Minorities at Risk Project* [Online] // Official website of the Center for International Development and Conflict Management, University of Maryland. 2016. 8 June. URL: <http://www.mar.umd.edu/> (Accessed June 11, 2023).

⁵ *GROW^{mp}* – Geographical Research on War, Unified Platform [Online] // Website of the International Conflict Research group, Center for Comparative and International Studies at ETH Zurich. URL: <https://growup.ethz.ch/> (Accessed June 11, 2023).

а в проекте ICR – как «не имеющие влияния на центральное правительство, но контролирующие (или контролировавшие) часть государственной территории и заявлявшие о ее автономии». В Азербайджане это армяне, в Грузии – абхазы и южные осетины.

Как случаи угасающих движений за самоопределение были выбраны движения этнических групп, соответствующих оценкам «политически активные» (проект MAR) и «не имеющие власти» или «не имеющие политического значения» в настоящее время (проект ICR) и, по данным ICR, демонстрирующие динамику – изменение статуса⁶. В Азербайджане это движение талышей, относительно которых определение «не имеющие власти» применяется к периоду с 1994 года, но не к 1991–1993 годам. В Грузии это движение аджарцев: характеристика их как «не имеющих политического значения» относится к настоящему времени (на 2021 год), но не распространяется на весь период существования движения⁷.

Лезгины в Азербайджане, так же как азербайджанцы и армяне в Грузии, не были выбраны как случаи самоопределяющихся этнических групп, поскольку не оценивались ICR как «контролирующие (или контролировавшие) часть государственной территории и заявлявшие о ее автономии» или «политически значимые», а грузинские азербайджанцы и армяне не определены MAR как «политически активные».

В ходе исследования авторами использовались метод кейс-стади и метод сравнения кейсов. В качестве кейсов выбраны пять движений, выступающих за самоопределение этнических групп: три определяют себя во взаимодействии с грузинским государством, два – с азербайджанским. В статье рассмотрены два случая угасающих движений за самоопределение (талышское движение и аджарское) и три случая успешных движений, сохраняющих активность (движение армян Нагорного Карабаха, абхазское и южноосетинское). Авторы понимают, что метод сравнения кейсов, в силу малого их числа в проведенном исследовании, не позволяет делать значимые генерализации и может быть использован только для прояснения ситуации и формулировки предварительных выводов по азербайджанской и грузинской практике. Авторы не претендуют на выявление паттернов активности этнических движений на постсоветском пространстве, для чего требуется проведение кейс-стади в большем числе стран пост-СССР.

Статья опирается на представленную в систематизированном и кодифицированном виде информацию, содержащуюся в открытых для исследователей базах данных, подготовленных в рамках современных проектов по изучению этнических меньшинств. Упомянутый выше проект MAR поддерживает базу данных «Меньшинства в потенциально опасной ситуации» (Minorities at Risk Dataset), проект ICR – платформу визуализации данных «Географическое исследование войны» (Geographical Research On War, Unified Platform) и базу данных «Властные отношения этнических групп» (Ethnic Power Rela-

⁶ Наличие динамики определяется по данным проекта ICR, поскольку проект MAR предоставляет данные до 2006 года, проект ICR – до 2021 года.

⁷ Причины разницы в статусах были на момент выбора кейсов неясны, их прояснение было одной из задач исследования.

tions Dataset). Кроме них, использовалась база данных «Движения за самоопределение» (Self-Determination Movements (SDM) Dataset)⁸ Лаборатории по изучению идентичности и конфликтов Пенсильванского университета (Penn Identity and Conflict Lab)⁹; для авторов были важны сведения о хронологии движений за самоопределение, эпизодах их насильственной и ненасильственной активности. Востребованной оказалась также информация сета по сепаратистским движениям (Dataset of Secessionist Grievances) Школы гражданства и связей с общественностью Максвелла Сиракузского университета (Maxwell School of Citizenship and Public Affairs, Syracuse University)¹⁰; при подготовке статьи были задействованы данные о требованиях, выдвигаемых этническими группами, и обоснованиях этих требований, используемых движениями за самоопределение. Составители базы данных «Движения за самоопределение» обращались к данным базы «Меньшинства в потенциально опасной ситуации» и другим разнообразным источникам; при сборе данных для датасета по сепаратистским движениям привлекалась информация из баз «Меньшинства в потенциально опасной ситуации» и «Властные отношения этнических групп». Это делает данные сопоставимыми и удобными для использования в одном исследовании. Кроме того, авторами были задействованы материалы СМИ и интервью с лидерами движений за самоопределение, их программные тексты.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах: успешные движения за самоопределение

Абхазское и южноосетинское движения во взаимодействии с Грузией. В 1989–1991 годах Грузия инициировала серию ограничений, которые этнические меньшинства восприняли как дискриминирующие: грузинский язык был определен как единственный государственный, региональным партиям запрещено участвовать в общенациональных выборах. В мае 1991 года президентом был избран один из лидеров грузинского национально-освободительного движения Звиад Гамсахурдия (Corpieters, 1999, p. 19). Эти события составили политический контекст резкого роста активности этнических меньшинств.

Основой **абхазского движения** за самоопределение является этническая идентичность. Абхазы, ведущие свою историю от Средневековья, сегодня демонстрируют высокую степень групповой сплоченности. Абхазы относятся к абхазо-адыгским народам, говорят на абхазском языке¹¹. Их движение

⁸ *Self-Determination ...*

⁹ База данных имеет ограничение, важное для нашего исследования: представлена информация до 2012 года; информация по более позднему периоду взята из других источников.

¹⁰ Доступ к базе данных закрыт, но часть данных доступна в приложениях к публикациям составителя проф. Райана Гриффитса (Griffiths, 2016; Griffiths and Martinez, 2021).

¹¹ *Minorities and indigenous peoples in Georgia. Abkhaz: Profile [Online] // Official website of the Minority Rights Group International. 2018. Sept. URL: <https://minorityrights.org/minorities/abkhaz/> (Accessed May 16, 2023).*

за самоопределение проявило себя за несколько лет до распада СССР и в этот период носило преимущественно ненасильственный характер.

История этого движения в 1990–2000-е годы представляет собой серию интенсивных конфликтов, в том числе военных, с участием регулярных грузинских вооруженных сил и регулярных и иррегулярных абхазских вооруженных формирований. Обозначим основные этапы насильственного противостояния: конфликт 1992–1993 годов (известен как «война в Абхазии»); насильственные действия грузинских партизан «Белого легиона» и «Лесного братства» на абхазской территории в 1997–1998 годах; военная операция 1998 года вооруженных сил Абхазии на территории, населенной преимущественно грузинами (известна как «Шестидневная война в Абхазии»). Итогом интенсивного противостояния к рубежу 1990–2000-х годов стал контроль абхазской стороны над основной частью территории Абхазии. Вооруженные столкновения в ходе борьбы за контроль над пограничным Кодорским ущельем произошли в 2001 и 2006 годах¹².

До военного противостояния исторические обиды абхазов в значительной степени были вызваны экономическими причинами: в советское время на черноморском побережье Абхазии находились одни из лучших мест отдыха, и абхазы считали, что доходы от туризма, перенаправлявшиеся в грузинскую экономику, причитались им. Относительное благополучие региона было разрушено военными действиями, и после 1993 года борьба за самоопределение уже не имела экономической подоплеки¹³.

Основным требованием движения была и остается независимость Абхазии: до военного конфликта Абхазия претендовала на официальный статус, гарантирующий относительную независимость (автономия, республика, партнер в союзном государстве), конфликт развернулся и воспроизводился в связи с проблемой статуса территории. Впервые о независимости Абхазия заявила в 1992 году, декларирующую государственный суверенитет конституцию приняла 26 ноября 1994-го¹⁴, но де-факто независима с 1993 года. С этого времени движение за самоопределение становится движением за признание независимости Абхазии Грузией и международным сообществом де-юре¹⁵.

История грузино-абхазского противостояния, повлекшего немалые жертвы, стала самостоятельным аргументом за сепарацию, который Абхазия

¹² *Chronology for Abkhazians in Georgia* [Online] // Official website of the Center for International Development and Conflict Management, University of Maryland. 2010. 16 July. URL: <http://www.mar.umd.edu/chronology.asp?groupId=37201> (Accessed May 15, 2023); *Хроника грузино-абхазского конфликта 1989–2008 гг.* Справка [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2008. 4 мая. URL: <https://ria.ru/20080504/106510243.html> (дата обращения: 09.05.2023).

¹³ *Assessment for Abkhazians in Georgia* [Online] // Official website of the Center for International Development and Conflict Management, University of Maryland. 2006. 31 Dec. URL: <http://www.mar.umd.edu/assessment.asp?groupId=37201> (Accessed May 16, 2023).

¹⁴ *Конституция* Республики Абхазия [Электронный ресурс]: принята на сес. Верхов. Совета Респ. Абхазия 12-го созыва 26.11.1994, одобрена всенар. голосованием 03.10.1999 // Офиц. сайт посольства Респ. Абхазия в Рос. Федерации. URL: http://www.emb-abkhazia.ru/respublika_abhaziya/konstituciya_respubliki_abhaziya/ (дата обращения: 09.05.2023).

¹⁵ *Абхазия: пути вперед.* Доклад от 18.01.2007 № 179 [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Междунар. кризис. группы (Европа). С. 12–15. URL: <https://icg-prod.s3.amazonaws.com/179-abkhazia-ways-forward-russian.pdf> (дата обращения: 16.05.2023).

использовала по мере воспроизводства конфликта. Кроме того, аргументируя свои притязания на независимость, Абхазия указывала на состоятельность движения за самоопределение и эффективность собственных институтов управления. Первый де-факто президент Абхазии Владислав Ардзинба говорил об этом в 2004 году: «Абхазия уже является независимым государством. Более десяти лет мы самостоятельно обеспечиваем безопасность нашей страны, развиваем экономику, формируем государственные институты, совершенствуем правовую систему ... Поэтому я предложил бы называть Абхазию самоопределившимся государством»¹⁶. Функции управления в отношении сообщества и территории осуществляют де-факто президент, правительство и парламент Абхазии. Хотя в результате конфликта 2006 года Грузия переместила в зону Кодорского ущелья правительство и парламент Абхазии «в изгнании», остальная территория Абхазии оставалась под контролем де-факто органов власти Абхазии и в этот период¹⁷.

Южноосетинское движение за самоопределение также имеет этнические основания. Исторически, в силу особенностей расселения в горной местности, этот народ был разбит на множество мелких этнолингвистических подгрупп. Осетины говорят на осетинском языке, представленном рядом диалектов. Некоторые осетинские подгруппы относят себя к мусульманам-суннитам, большинство – к православным христианам¹⁸. Однако для современной южноосетинской идентичности религия не является определяющей, поэтому религиозные различия не сыграли роли в грузино-осетинском конфликте и не раскололи южноосетинское движение.

Движение за самоопределение зародилось в позднем СССР и до 1991 года не прибегало к насилию. В 1990–2000-е годы имел место ряд интенсивных насильственных (включая военный) конфликтов. Основными были, во-первых, военный конфликт 1991–1992 годов («Южноосетинская война»), в ходе которого шли боевые действия между регулярными вооруженными силами Грузии и силами охраны общественного порядка и самообороны Южной Осетии; во-вторых, вооруженный конфликт 2004 года, когда Грузия продемонстрировала готовность к балансированию на грани войны и ввела на территорию Южной Осетии внутренние войска, вступившие в вооруженное противостояние с южноосетинскими силами¹⁹.

Естественная по причине сложности перемещения и коммуникации в горной местности разобщенность осетин обусловила традиционно слабое

¹⁶ Снегирев В. Эксклюзивное интервью с президентом Абхазии [Электронный ресурс] // Российская газета. 2004. 22 июля. URL: <https://rg.ru/2004/07/22/ardzinba.html> (дата обращения: 09.05.2023).

¹⁷ Новиков В. Грузия перебрала правительство в Кодорское ущелье [Электронный ресурс] // Kommersant.ru. 2006. 3 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/694743> (дата обращения: 09.05.2023).

¹⁸ Minorities and indigenous peoples in Georgia. Ossetians: Profile [Online] // Official website of the Minority Rights Group International. 2018. Sept. URL: <https://minorityrights.org/minorities/ossetians/> (Accessed May 16, 2023).

¹⁹ Chronology for Ossetians (South) in Georgia [Online] // Official website of the Center for International Development and Conflict Management, University of Maryland. 2010. 16 July. URL: <http://www.mar.umd.edu/chronology.asp?groupId=37203> (Accessed May 16, 2023).

чувство этнической общности. Современные южные осетины развили высокую групповую сплоченность прежде всего из-за конфликта с грузинским государством.

Движение формировалось вокруг потребности в самоопределении и его выражении в официальном статусе территории. Первым заявленным требованием было требование повышения статуса (до автономного республиканского, партнерского в рамках союзного договора). Военный конфликт обеспечил фактическую независимость Южной Осетии в 1992 году²⁰, и с этого времени основной целью движения стало сохранение независимости, важным требованием – ее официальное подтверждение.

Не имея возможности опереться на сильное чувство этнической или иной групповой идентичности изначально, по мере эскалации конфликта в 1990–2000-е годы Южная Осетия стала использовать свои успехи в самоопределении и самоуправлении, опыт де-факто государственности для обоснования требований независимости от Грузии. Один из лидеров движения Знаур Гассиев говорил о политической мобилизации в 1990-е: *«Тогда и появилась политическая элита Южной Осетии нового образца, которой с ходу пришлось решать непростые задачи. Помимо политических, которые оформлялись референдумом, декларациями, выборами ... были проблемы отражения агрессивных устремлений против народа Южной Осетии, подкрепленных всякого рода националистическими лозунгами типа “Грузия – для грузин”»*²¹.

Насильственный характер конфликта, приведший к жертвам, стал дополнительным аргументом южноосетинского движения за сепарацию от другой стороны противостояния (Griffiths and Martinez, 2021, p. 589).

Определившими актуальный статус обеих республик стали события 2008 года. В августе 2008-го в результате боевых действий российские и абхазские вооруженные силы вытеснили грузинские вооруженные силы с территории Кодорского ущелья, а российские и южноосетинские вооруженные силы – грузинские вооруженные силы с территории Южной Осетии. С того же 2008 года Россия и ряд других государств – членов ООН признает республики суверенными и независимыми государствами²², тогда как Грузия и Парламентская ассамблея Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (Organization for Security and Co-operation in Europe, ОБСЕ) рассматривают Абхазию как оккупированную Россией часть Грузии²³. Как заключает Ф. А. Попов,

²⁰ Акт провозглашения независимости Республики Южная Осетия [Электронный ресурс] // Алания.информ. 2007. 29 мая. URL: https://osinform.ru/1646-akt_provozglasheniya_nezavisimosti_respubliki_juzhnaja_osetija_5032.html (дата обращения: 20.05.2023).

²¹ Цховребова З. Знаур Гассиев: «Вопреки всему Южная Осетия выжила» (отрывок из интервью, 2005 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Президента Респ. Южная Осетия. 2021. 17 марта. URL: <https://south-ossetia.info/znaur-gassiev-vopreki-vsemu-nasha-respublika-vyzhila/> (дата обращения: 21.05.2023).

²² О признании Республики Абхазия [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 26.08.2008 № 1260. URL: <https://base.garant.ru/2566891/> (дата обращения: 10.06.2023); О признании Республики Южная Осетия [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 26.08.2008 г. № 1261. URL: <https://base.garant.ru/2566892/> (дата обращения: 10.06.2023).

²³ Monaco Declaration and Resolutions adopted by the OSCE Parliamentary Assembly at the twenty-first annual session [Online] // Official website of the OSCE Parliamentary Assembly. 2012. 5–9 July. P. 41. URL: <https://www.oscepa.org/en/documents/annual-sessions/2012-monaco-declaration-1/1258-2012-monaco-declaration-eng/file> (Accessed May 12, 2023).

характеризующей чертой абхазского и южноосетинского движений за самоопределение в настоящее время «является высокая степень участия России в сопутствующих событиях» (Попов, 2012, с. 341, 345). Вместе с тем история самоопределения, насчитывающая три десятилетия, показывает, что абхазское и южноосетинское движения были мобилизованы прежде всего идеей сепсессионизма, а не ирредентизма.

Как и в случае с грузинскими кейсами, основой движения за самоопределение **армян Нагорного Карабаха** является этническая идентичность. Нагорный Карабах находится на северо-востоке Армянского нагорья. Это один из регионов Закавказья, относящийся к горной системе Малого Кавказа. По документам эта территория считается частью Азербайджана, фактически же большая ее часть принадлежит непризнанной Нагорно-Карабахской Республике (НКР), или Арцаху. Случай Нагорного Карабаха рассматривается в контексте проблемы непризнанных государственных образований на постсоветском пространстве (Большаков, 2007). Де-факто НКР является независимым государством, имеющим все атрибуты государственности: конституцию и законы, органы управления, вооруженные силы, государственную символику, представительства в других странах мира.

С 1921 года регион как административно-территориальная единица входил в состав Азербайджанской Советской Социалистической Республики. В 1923 году он получил статус автономной области (НКАО) в составе Азербайджанской ССР. Возникновение армянского движения относится к советскому периоду и связано с проектами по присоединению региона к Армении. Собственно конфликтный этап начался в 1985 году, когда заговорили об изменении статуса НКАО в рамках единого государства и передаче его Армянской ССР (Маркедонов, 2018, с. 130). В июне того же года Верховный Совет Армении дал согласие на вхождение НКАО в состав республики; Азербайджан в свою очередь объявил это решение незаконным, оценив как «фактическую оккупацию» (Ибрагимов, 2020).

12 июля 1988 года облсовет Нагорного Карабаха заявил о выходе из состава Азербайджана. В ответ 18 июля Президиум Верховного Совета СССР принял постановление, в котором говорилось о невозможности передачи НКАО Армении. С сентября 1988 года между армянами и азербайджанцами начались вооруженные столкновения, перешедшие в затяжной конфликт. 2 сентября 1991 года была провозглашена независимость от Азербайджана под именем Нагорно-Карабахской Республики, а уже 10 декабря, за несколько дней до официального распада Советского Союза, в Нагорном Карабахе состоялся референдум о признании независимости от Азербайджана. «За» проголосовали 99,89 % участников²⁴. 6 января 1992 года Нагорный Карабах провозгласил независимость от Азербайджана. SDM Dataset кодирует движение как активное с 1991 года, но признаёт, что движение было активным и ранее, до обретения Азербайджаном независимости. Один из участников движения отмечает: *«Нынешний этап нагорно-карабахской проблемы берет начало с последних*

²⁴ Химшиашвили П. Нагорный Карабах: история конфликта, какая страна считает его своим [Электронный ресурс] // РБК. 2023. 25 мая. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/05/2023/646dcf549a7947ed7fcf32e2> (дата обращения: 19.05.2023).

лет существования СССР и перерос в конфликт в результате применения Азербайджаном политики силы в ответ на реализацию народом Нагорного Карабаха права на самоопределение» (Кочарян, 2016, с. 4).

Азербайджан жерассматривает Нагорный Карабах как свою неотъемлемую часть. С 1992 по 1994 год Азербайджан пытался взять самопровозглашенную республику под свой контроль. В историю эти полномасштабные военные действия вошли как Первая карабахская война, в ходе которой погибли до 30 тыс. человек. С 1992 года в урегулировании конфликта начало участвовать Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе (с 1994-го – ОБСЕ). В 1994 году в Бишкеке стороны договорились о прекращении огня, а конфликт был заморожен (Бишкекский протокол, рассматриваемый в SDM Dataset как «уступка автономии»). Главным форматом переговорного процесса по мирному урегулированию Карабахского конфликта стала Минская группа ОБСЕ. Несмотря на предпринимаемые этой группой усилия, разрешить конфликт политико-дипломатическими методами не удавалось.

10 декабря 2006 года в непризнанной Нагорно-Карабахской Республике состоялось голосование по проекту конституции. Основной закон, принятый на референдуме, определяет НКР как «суверенное государство»²⁵. Азербайджан, в состав которого де-юре входит республика, в документе не упомянут ни разу.

Новый виток военного противостояния случился в 2020 году. Вторая карабахская война продолжалась 44 дня, и победу в ней одержал Азербайджан, вернувший под свой контроль значительные части территорий, прилегающих к Нагорному Карабаху, а также части самого Нагорного Карабаха, в том числе города Шуша (Шуши) и Гадрут.

Стоит обозначить, что вторая война в Нагорном Карабахе существенно отличалась от первой начала 1990-х годов: на этот раз военное противостояние завершилось поражением армянской стороны. На спорной территории между Азербайджаном и Арменией впервые появился российский миротворческий контингент. Роль России в урегулировании конфликта достигла качественно нового уровня, тогда как роли США, Франции и других европейских стран, а также Минской группы ОБСЕ заметно уменьшились (Аветикян, 2020, с. 181).

25 мая 2023 года в Москве премьер-министр Армении Никол Пашинян, выступая на расширенном заседании Высшего Евразийского экономического совета, заявил, что Армения и Азербайджан договорились о взаимном признании территориальной целостности друг друга. Со своей стороны президент Азербайджана Ильхам Алиев заметил, что есть возможность выхода на мирное соглашение между Баку и Ереваном с учетом того, что Армения признала Карабах частью Азербайджана²⁶. Но если глава Азербайджана Ильхам Алиев последовательно заявляет о том, что вопрос Нагорного Карабаха решен и суверени-

²⁵ Конституция Республики Арцах [Электронный ресурс] // Официальный сайт М-ва иностр. дел Респ. Арцах. URL: <http://www.nkr.am/ru/constitution-of-Artsakh> (дата обращения: 04.06.2023).

²⁶ Встреча за круглым столом: как Еревану и Баку удалось достичь принципиальных договоренностей [Электронный ресурс] // НТВ. 2023. 26 мая. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2767342/> (дата обращения: 10.06.2023).

тет над ним восстановлен, то президент непризнанной НКР Араик Арутюнян «призвал власти Армении воздерживаться от любых действий и заявлений “о признании Арцаха частью Азербайджана”»²⁷.

Таким образом, три случая демонстрируют схожую динамику движений за самоопределение. Идея самоопределения зародилась в сообществах еще в позднесоветский период и в контексте масштабных трансформаций начала 1990-х годов проявилась в первых заявлениях и действиях. Основой движения армян Нагорного Карабаха и абхазского движения в Грузии выступила этническая идентичность. Этничность, трактуемая прежде всего через общность территории происхождения, сыграла мобилизующую роль и для движения южных осетин. Период 1990-х годов характеризовался переходом конфликтов в форму военных действий на территориях со спорным статусом. В каждом случае в 2000-е годы конфликт не был разрешен и воспроизводился, сохраняя интенсивность и насильственный характер. Это стимулировало развитие карабахского, абхазского и южноосетинского движения за самоопределение, для которых повторяющиеся эпизоды насилия стали одним из препятствий к объединению с азербайджанским и грузинским государствами соответственно и дополнительным основанием требовать сепарации или самоуправления.

В настоящее время абхазы, южные осетины и армяне Нагорного Карабаха показали примеры если не политического или дипломатического успеха, то состоявшегося де-факто самоопределения. Сегодня, когда многие амбиции этих движений реализованы, армянское, абхазское и южноосетинское сообщества сохраняют волю к самоопределению. Однако их дальнейшая активность и успехи будут зависеть от политической ситуации в Азербайджане, Армении и Грузии, а также на постсоветском пространстве в целом.

Талышистан и Аджария: угасание движений за самоопределение

Талышистан. Талыши являются древним народом Закавказья (Южного Кавказа), населяющим горную (Талышские горы) и предгорную области, расположенные на юго-западном побережье Каспийского моря (Ленкоранская низменность). Исторические территории их проживания в настоящее время входят в состав Азербайджана и северо-западные области Исламской Республики Иран.

Основа движения талышей – этническая идентичность. Вопрос о численности талышей в Азербайджане является предметом споров. Согласно официальным данным Азербайджанского государственного комитета по статистике, на 2009 год в республике насчитывалось 112 тыс. талышей (1,3 %). Компактно они проживают в южной части республики – Астаринском, Ленкоранском, Масаллинском и Лерикском районах. Талышские активисты оценивают численность талышей в Азербайджане в 1,5 млн человек²⁸.

²⁷ Николаев П. «Подписание мирного соглашения неизбежно». Баку и Ереван договорились о главном [Электронный ресурс] // Газета.ру. 2023. 25 мая. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2023/05/25/16774190.shtml> (дата обращения: 10.06.2023).

²⁸ Агаджанян В. «Это будет талышский проект». На вопросы «Третьей Силы Плюс» отвечает один из лидеров талышского национального движения г-н Фахраддин Абосзода [Электрон-

Формирование талышского движения его участники датируют первой половиной XX века (опыт Муганской Советской Республики), однако современный этап активной деятельности связан с постсоветским периодом и созданием в 1993 году Талыш-Муганской Автономной Республики²⁹. Большое значение для развития движения сыграли два человека – президент Талыш-Муганской республики Алакрам Гумматзода (Гумматов) и лидер «Движения за возрождение Талыша» Фахраддин Абосзода.

Талыш-Муганская Автономная Республика – самопровозглашенная автономная республика в составе Азербайджанской Республики, образованная в июне 1993 года на территории семи районов на юге страны – Астаринского, Ленкоранского, Лерикского, Ярдымлинского, Масаллинского, Джалильбадского и Билясуварского, контролировавшихся 704-й бригадой Вооруженных сил Азербайджана, штаб которой дислоцировался в Ленкорани. Республика была «ликвидирована», а ее президент А. Гумматов арестован. В 2004 году, после помилования президентом Азербайджана И. Алиевым, он эмигрировал в Нидерланды. В следующем году было создано Талышское национальное движение (ТНД) со штаб-квартирой в Гааге. С 2005 года до своей смерти в 2022-м Алакрам Гумматов возглавлял движение в Нидерландах. В 2014 году ТНД стало членом Организации наций и народов, не имеющих представительства (Unrepresented Nations and Peoples Organization, UNPO)³⁰. В июле 2018 года группа молодых активистов вместе с А. Гумматовым сформировала правительство Талыш-Муганской Автономной Республики в эмиграции. Правительство направляет письма и заявления в международные организации, государства и мировые правозащитные организации, чтобы отразить позицию талышей в стране. Также оно призывает азербайджанское правительство решить языковой вопрос – чтобы талышский язык преподавался в школе на должном уровне. Все министры правительства Талыш-Муганской Автономной Республики живут в эмиграции, в частности в Нидерландах³¹. В 2019 году Совет Европы подверг критике Азербайджан за нарушение прав этнических меньшинств, в том числе лезгин и талышей.

Еще одним центром движения была созданная в 2009 году на территории России политическая организация «Движение за возрождение Талыша», ее лидером стал Фахраддин Абосзода, который отмечал: «Я никогда не скрывал, что еще несколько лет назад выступал исключительно за административно-территориальную автономию Талышистана в составе АР»³². Однако более

ный ресурс] // TolishPress.org. 2009. 23 дек. URL: <http://tolishpress.org/news/976.html> (дата обращения: 02.06.2023).

²⁹ Талыш-Муганская Автономная Республика иногда именуется Талышистаном. Термин, означающий «Страна талышей», рассматривается также как синоним движения за автономию.

³⁰ *Talysh*: member profile [Online] // Official website of UNPO – The Unrepresented Nations and Peoples Organization. 2015. 8 July. URL: <https://unpo.org/members/17338> (Accessed June 8, 2023).

³¹ Евстратов А. Талышское национальное движение: негасимый огонь свободы. К 60-летию Фахраддина Абосзода [Электронный ресурс] // Кавказский геополитический клуб. 2016. 24 дек. URL: <https://kavkazgeoclub.ru/content/talyshskoe-nacionalnoe-dvizhenie-negasimyy-ogon-svobody> (дата обращения: 08.06.2023).

³² Искандари Р. Талышское национальное движение: за что мы боремся? – Часть I [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Талыш. центра геополит. исслед. 2013. 27 авг. URL: <https://talyshcenter.org/informacia/1993.html> (дата обращения: 02.06.2023); Искандари Р. Талышское национальное

поздние его высказывания уже содержат призывы к независимости: «Исходя из новой обстановки, мы сегодня уверены, что образование независимого талышского государства является делом времени»³³. Позднее Ф. Абосзода был осужден в Азербайджане и скончался в заключении.

На завершающем этапе ТНД окончательно взяло курс на независимость Талышистана. Большинство активных участников политического движения за самоопределение действуют за пределами Азербайджана. В социальных сетях сегодня можно обнаружить посты с требованиями образовательных реформ и справедливой политики памяти³⁴. В самом Азербайджане в медиаповестке громко прозвучали события 2016 года, когда среди талышей вспыхнули акции протеста на экономической почве: протестующие возмущались повышением цен, подорожанием бензина и продуктов питания. Выступления подавил азербайджанский спецназ³⁵. В целом же деятельность активистов этнических организаций талышей в самом Азербайджане сместилась в сторону социальных и культурных предпочтений и языковой проблематики. Так, действующий в республике Общественный совет талышей Азербайджана 19 мая 2023 года выступил с заявлением, в котором выразил несогласие с данными Госкомстата Азербайджана о численности талышского народа по итогам переписи 2019 года, согласно которым численность этнических талышей уменьшилась на 22 %.

Аджария: короткая история успеха и поражение движения. На юго-западе Грузии находится исторический регион Аджария. В Грузии аджарцев определяют как этнографическую группу грузинского народа, но это определение не принято самими аджарцами. Аджарцы говорят на аджарском диалекте грузинского языка. Г. М. Дерлугян полагает, что «есть Аджария, но нет аджарцев» (Derluguian, 1998, p. 277). По мнению Ф. А. Попова, специфика аджарцев задана исповедуемой религией: часть аджарцев является православными христианами, часть – мусульманами-суннитами (Попов, 2012, с. 338). Однако в течение XX века религиозная идентичность в значительной степени исчезла и не играла роли в аджарско-грузинском конфликте. В силу этого нет конвенционального понимания, является ли аджарское движение за самоопределение этническим и каковы его основания³⁶. У. О'Брохта полагает, что к настоящему времени большинство реальных различий между аджарцами и грузинами исчезли и основным сохраняющим значение фактором,

движение: за что мы боремся? – Часть II [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Талыш. центра геополит. исслед. 2014. 28 янв. URL: <https://talyshcenter.org/informacia/1997.html> (дата обращения: 02.06.2023).

³³ Агаджанян В. Указ. соч.

³⁴ Причины, по которым талыши Азербайджана недовольны своим положением в стране и требуют реформ в регионе [Электронный ресурс] // ТалышиOnline. 2022. 15 дек. URL: https://vk.com/wall-35328577_1019981 (дата обращения: 08.06.2023).

³⁵ Талыши и азербайджанцы: в чем разница [Электронный ресурс] // Аналит. информ.-познават. портал neuroplus.ru. 2022. 21 мая. URL: <https://neuroplus.ru/talyshi-i-azerbaydzantsy-v-chem-raznitsa.html> (дата обращения: 08.06.2023).

³⁶ Дополнительный список этнических региональных автономий (ЭРА) (“border-line list”) [Электронный ресурс] // Эксперт. сеть по исслед. идентичности. С. 4. URL: http://identityworld.ru/maps_aera/publications/spisok_ehtnicheskikh_regionalnykh_avtonomij.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

который отличает Аджарию от остальной Грузии, является ее автономия (O'Brochta, 2017, p. 21–23).

Аджарское движение за самоопределение сформировалось незадолго до распада СССР и в 1990-е годы защищало автономный статус Аджарии и ее фактическую независимость от Грузии. Это движение не выдвигало сепаратистских требований, не делало политических заявлений и не прибегало к насилию, поэтому не встретило со стороны Грузии противодействия той силы, с которым столкнулись абхазское и южноосетинское движения.

В 1992–2004 годах Аджария существовала как свободная экономическая зона, оставляя доходы от налоговых и таможенных поступлений в республике (и безуспешно пыталась легализовать финансовую автономию, дважды лоббируя принятие закона о свободной экономической зоне в грузинском парламенте)³⁷. Такое положение было возможным в условиях относительной слабости грузинского государства, расфокусировке его усилий по поддержанию контроля над территорией и сообществами в связи с внутренней политической нестабильностью, активностью абхазского и южноосетинского движений.

Вместе с тем эскалация конфликтов до насилия, повлекшего жертвы, в Абхазии и Южной Осетии в 1990-е годы способствовала автономистским настроениям в Аджарии, где де-факто выход из контролируемого Грузией пространства рассматривался как шанс избежать распространения насилия на аджарскую территорию. В 1989 году аджарские активисты сформировали малочисленную организацию с целью защиты автономии Аджарии³⁸, но после 1991 года она не проявляла активности, и ключевую роль в обретении и поддержании автономии сыграл глава территории Аслан Абашидзе. Характер автономии Аджарии во многом определялся личными устремлениями Абашидзе, и сохранение автономии было возможно благодаря личным договоренностям Абашидзе и президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе³⁹.

В 2003 году, после смены политического руководства Грузии в ходе «революции роз», новый президент Михаил Саакашвили заявил: «Аджария – не собственность Аслана Абашидзе. <...> Грузия... не допустит сепаратизма»⁴⁰ – и на первом заседании нового парламента призвал депутатов выступить против «клана Абашидзе, который не представляет интересы аджарцев»⁴¹.

³⁷ *Tbilisi* to discuss free economic zone with Batumi [Online] // Civil Georgia. Daily news online. Civil.ge. 2004. 22 Jan. URL: <https://old.civil.ge/eng/article.php?id=6074?id=6074> (Accessed May 20, 2023).

³⁸ *Chronology for Adzhars in Georgia* [Online] // Official website of the Center for International Development and Conflict Management, University of Maryland. 2010. 16 July. URL: <http://www.mar.umd.edu/chronology.asp?groupId=37202> (Accessed May 20, 2023).

³⁹ *Успех* Саакашвили в Аджарии: возможно ли повторение где-либо еще? Брифинг от 18.08.2004 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Междунар. кризис. группы (Европа). С. 3–6. URL: <https://icg-prod.s3.amazonaws.com/saakashvili-s-ajara-success-repeatable-elsewhere-in-georgia.pdf> (дата обращения: 16.05.2023).

⁴⁰ *Новиков В., Сысоев Г.* Михаил Саакашвили договорился до тюрьмы для лидера Аджарии [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2003. 11 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/435208> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴¹ *Новиков В.* «Клан Абашидзе – банда преступников, убийц и наркобаронов». Президент Грузии выступил на первой сессии парламента [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2004. 23 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/469633> (дата обращения: 10.05.2023).

С 2004 года, после смены политического руководства Аджарии по инициативе грузинского государства⁴², она сохранила формальный статус автономной республики, но утратила фактическую экономическую автономию⁴³. Аджарское движение за самоопределение, которое в 1990-е годы было слабым, но сохраняло себя за счет фактической автономии Аджарии, после ее утраты угасло.

Таким образом, четко прослеживается траектория, по которой двигались аджарцы и талыши в период существования движений за самоопределение: формирование движений на рубеже 1980–90-х годов, в период политической нестабильности, пересмотра административных правил и территориальных границ в государствах их проживания; дистанцирование от азербайджанского и грузинского государств в 1990-е годы, когда уровень влияния и контроля центральных правительств над «мятежными» территориями был низким; подавление движений Азербайджаном и Грузией как демонстрация их интенций по восстановлению управляемости и территориальной целостности.

Оба движения стимулировала активность Аликрама Гумматова и Аслана Абашидзе, и ослабление движений было вызвано политическим поражением их лидеров. Талышское движение показало спад динамики и постепенное угасание после 1993 года, аджарское – после 2004 года. Талышское движение определяло себя через этничность, поэтому после ликвидации своей автономии талыши сохраняют групповую идентичность, и их риторика отражает автономистские амбиции. Движение не имело возможности эти амбиции реализовать, встретив сопротивление со стороны азербайджанского государства, но формально сохранило себя, действуя за пределами Азербайджана. В случае Аджарии движение не обладало выраженной этнической, религиозной, языковой или иной спецификой и потому не имело реального основания для самоопределения. Фактически аджарцы определяли себя через автономию, за сохранение которой боролись в 1990-е годы, и были мотивированы выгодами этой автономии, но с утратой автономии в 2004 году потеряли и свою особость. Аджарское движение не просто угасло, но отказалось от самоопределения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1991 году, после распада СССР, на его территории возникли пятнадцать стран, в числе которых были Азербайджан и Грузия. Они столкнулись с рядом серьезных вызовов, включая необходимость управлять своим политико-территориальным разнообразием. Для государств, проходивших одновременно через глубокие режимные, общественные и экономические транс-

⁴² Сысоев Г. Аслан Абашидзе выжил из роли мудрого и любимого руководителя [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2004. 7 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/472610> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴³ О статусе Аджарской Автономной Республики [Электронный ресурс]: Закон Грузии от 01.07.2004 № 305. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30442?publication=2> (дата обращения: 10.06.2023); Об утверждении Конституции Аджарской Автономной Республики [Электронный ресурс]: Орган. закон Грузии от 15.07.2008 № 232. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/18940?publication=2> (дата обращения: 10.06.2023).

формации, удержание территориальной и политической целостности стало сложной задачей.

В 1990-е годы в условиях слабости азербайджанского и грузинского государств смогли проявить активность этнические меньшинства, чьи амбиции ранее сдерживала политика Москвы. В Азербайджане поднялись этнические движения армян и талышей, в Грузии – абхазов, аджарцев и южных осетин. Недовольство азербайджанских армян, талышей и грузинских осетин было связано с потребностью в самоопределении, основанием для которого они видели свою социокультурную специфику. Это недовольство копилось в советский период и нашло выход после 1991 года. Исторические обиды абхазов и аджарцев имели экономическую подоплеку, и для них самоопределение означало прежде всего контроль над «своей» территорией и право распоряжаться доходами от нее. Однако возможность для самоопределения открылась только после 1991 года, когда Москва отказалась от контроля над Абхазией и Аджарией, а Тбилиси не смог его поддерживать. Таким образом, периодом высокой активности движений за самоопределение стала первая половина 1990-х, и в 1991–1992 годах движения резко изменили свой характер: сформулировали амбициозные требования, заявили о них открыто в диалоге с «материнскими» государствами, выдвинули лидеров и организовали себя. Абхазы, южные осетины и азербайджанские армяне продемонстрировали готовность бороться за самоопределение насильственным путем.

Движение армян Нагорного Карабаха, абхазское и южноосетинское движения добились успехов в самоопределении. Нагорный Карабах и Южная Осетия де-факто независимы с 1992 года, Абхазия – с 1993-го. И хотя Азербайджан и Грузия не признают их суверенными государствами, и они не получили широкого международного признания, в настоящее время они де-факто являются государствами и обладают отдельными атрибутами государственности: имеют государственную символику, сформировали органы публичной власти, сохраняют частичный контроль над территорией, в пределах которой определяют себя.

Абхазское, южноосетинское и армянское движения имели собственную базу, без которой достигнутые успехи не были бы возможны: от весомых оснований для политической мобилизации до материальных ресурсов территорий и сообществ, которые они направляли на борьбу за самоопределение. Значимую роль в этих случаях сыграла и внешняя поддержка – дипломатическая, военная и материальная, которую армянской диаспоре в Азербайджане до недавнего времени оказывала Армения как «родственное государство», а грузинским абхазам и осетинам с 2000-х годов – Россия, имеющая собственные геополитические интересы на постсоветском пространстве. Однако сегодняшнее признание Арменией территориальной целостности Азербайджана означает, по сути, отказ поддерживать де-факто государственность Нагорного Карабаха. Это формирует новый виток конфликтности, несмотря на продолжающийся переговорный процесс по поиску мирного решения, и оставляет открытым вопрос о будущем статусе территории.

Отказ России поддерживать самоопределение Абхазии и Южной Осетии также ограничил бы их возможности, поскольку с 2000-х годов изменился

контекст их протеста против позиции Грузии. Курс Грузии на территориальную целостность государства с этого времени не просто декларируется в конституции и заявлениях ее лидеров, но опирается на широкую международную дипломатическую поддержку. На сегодняшний день Грузия выступает против независимости Абхазии и Южной Осетии как более сильная сторона конфликта, располагающая собственной военной и материальной базой.

Случай Аджарии представляет собой историю успешного самоопределения, которое, однако, осталось ограниченным и по характеру, и во времени. Аджария была де-факто независима от Грузии в 1992–2004 годах, и ее автономия проявилась прежде всего в экономической самостоятельности, тогда как характер ее политических отношений с Грузией оставался неопределенным. Ситуация «замерла» на десятилетие, поскольку устраивала и грузинское руководство, опасавшееся политической мобилизации аджарцев, и аджарское – заинтересованное в экономических успехах и материальной выгоде. В 2000-е годы грузинское государство изменило условия для Аджарии, поскольку в этот период смогло говорить с ней с позиции силы. Не имея внешней поддержки (аджарцы определяют себя через место проживания, а не через стандартные маркеры этничности, поэтому у них нет «родственного государства») и потеряв лидера (в 2004 году Аслан Абашидзе покинул Аджарию), аджарцы приняли условия Грузии.

Таким образом, движение армян Нагорного Карабаха, абхазское и южно-осетинское движения в Грузии к настоящему времени добились самоопределения и де-факто самоуправления для своих сообществ. Их относительная устойчивость и приверженность целям обусловлены достигнутыми успехами, накопленным опытом сепарации, де-факто государственной состоятельностью и, в случае абхазского и осетинского движений, внешней поддержкой со стороны России. Однако ситуация на постсоветском пространстве остается не вполне стабильной и определенной, и новая политическая инициатива или военный конфликт могут быстро изменить ее.

Итак, траектория движений за самоопределение – это не заданное движение в одном направлении (к государственной самостоятельности) и с прогнозируемым результатом. Опыт Азербайджана и Грузии позволяет говорить скорее о постоянно воспроизводящихся конфликтах на почве движений за самоопределение и продолжающейся борьбе за контроль над территориями (с меняющейся ресурсной базой), в ходе которой «материнское» государство идет на уступки «мятежному» движению и наоборот. Возможно, результаты дальнейших исследований позволят распространить эти выводы на все постсоветское пространство. Сегодня на нем пока нет примеров, когда такого рода конфликт был бы разрешен «окончательно» в пользу движения за самоопределение.

Список источников

Аветикян Г. Война 2020 года в Нагорном Карабахе: региональное измерение // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2. С. 181–191. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2020-2-181-191>.

Большаков А. Г. Непризнанные государственные образования постсоветского пространства: казус Нагорного Карабаха // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2007. Т. 149, № 3. С. 129–145.

Витковская Т. Б., Назукина М. В. Траектории развития регионализма в России: опыт Свердловской области и Республики Татарстан // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30, № 1. С. 67–87. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-67-87>.

Ибрагимов А. Г. Нагорно-Карабахская проблема в контексте региональных интересов [Электронный ресурс] // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3, № 3. С. 200–205. <https://doi.org/10.24411/2618-7426-2020-00022>. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nagorno-karabakhskaya-problema-v-kontekste-regionalnyh-interesov> (дата обращения: 26.06.2023).

Кочарян Ш. Почему до сих пор не урегулирован нагорно-карабахский конфликт? Ереван: ООО «МИА», 2016. 36 с.

Маркедонов С. М. Тридцать лет нагорно-карабахского конфликта: основные этапы и перспективы урегулирования [Электронный ресурс] // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, № 2. С. 129–138. <https://doi.org/10.24411/2618-7426-2018-00024>. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tridtsat-let-nagorno-karabakhskogo-konflikta-osnovnye-etapy-i-perspektivy-uregulirovaniya> (дата обращения: 24.06.2023).

Попов Ф. А. География сецессионизма в современном мире. М.: Новый Хронограф, 2012. 672 с.

Прохоренко И. Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах – членах Европейского союза. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 93 с.

Туров Н. Л. Феномен сепаратизма в современном мире: анализ. обзор. М.: ИНИОН РАН, 2021. 62 с.

Beramendi P. The political geography of inequality: Regions and redistribution. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 295 p. <https://doi.org/10.1017/S09781139042796>.

Buchanan J. M., Faith R. L. Secession and the limits of taxation: Toward a theory of internal exit // The American Economic Review. 1987. Vol. 77, № 5. P. 1023–1031.

Cederman L.-E., Hug S., Schadel A. et al. Territorial autonomy in the shadow of conflict: Too little, too late? // American Political Science Review. 2015. Vol. 109, № 2. P. 354–370. <https://doi.org/10.1017/S0003055415000118>.

Coppieters B. The roots of the conflict // A question of sovereignty: The Georgia-Abkhazia peace process / Ed. by J. Cohen. London: Conciliation Resources, 1999. P. 14–19.

Cunningham K. G. Inside the politics of self-determination. New York: Oxford University Press, 2014. 304 p.

Derluigan G. M. The tale of two resorts: Abkhazia and Ajaria before and since the Soviet collapse // The myth of “ethnic conflict”: Politics, economics, and “cultural” violence / Ed. by B. Crawford and R. D. Lipschutz. Berkeley: Institute of International Studies, 1998. P. 261–292.

Eck K. From armed conflict to war: Ethnic mobilization and conflict intensification // International Studies Quarterly. 2009. Vol. 53, № 2. P. 369–388. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2009.00538.x>.

Griffiths R. Age of secession. The international and domestic determinants of state birth. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 284 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316676479>.

Griffiths R. Between dissolution and blood: How administrative lines and categories shape secessionist outcomes // International Organization. 2015. Vol. 69, № 3. P. 731–751. <https://doi.org/10.1017/S0020818315000077>.

Griffiths R., Martinez A. Local conditions and the demand for independence: A dataset of secessionist grievances // Nations and Nationalism. 2021. Vol. 27, № 2. P. 580–590. <https://doi.org/10.1111/nana.12667>.

Juon A. Minorities overlooked: Group-based power-sharing and the exclusion-amid-inclusion dilemma // International Political Science Review. 2020. Vol. 41, № 1. P. 89–107. <https://doi.org/10.1177/0192512119859206>.

Lynch D. Engaging Eurasia's separatist states: Unresolved conflicts and the de facto states. Washington, D.C.: United States Institute for Peace, 2004. 170 p.

O'Brochta W. Regional autonomy in rich regions: Evidence from Ajara, Georgia // Caucasus Survey. 2017. Vol. 6, № 1. P. 18–41. <https://doi.org/10.1080/23761199.2017.1344028>.

Roth H. Let's split! A complete guide to separatist movements and aspirant nations, from Abkhazia to Zanzibar. Sacramento: Litwin Books, 2015. 636 p.

Sambanis N., Germann M., Schädel A. SDM: A new data set on self-determination movements with an application to the reputational theory of conflict // Journal of Conflict Resolution. 2018. Vol. 62, № 3. P. 658–686. <https://doi.org/10.1177/0022002717735364>.

Swain A. Diasporas, armed conflicts and peacebuilding in their homelands. Uppsala: Uppsala University, 2007. 112 p.

Wood J. Secession: A comparative analytical framework // Canadian Journal of Political Science / Revue Canadienne De Science Politique. 1981. Vol. 14, № 1. P. 107–134. <https://doi.org/10.1017/S000842390003537X>.

Информация об авторах

Т. Б. Витковская – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований ФГБУН Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а

SPIN-код (РИНЦ): 5414-6860

AuthorID (РИНЦ): 510365

Web of Science ResearcherID: L-8284-2018

М. В. Назукина – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований ФГБУН Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а

SPIN-код (РИНЦ): 6543-3557

AuthorID (РИНЦ): 251245

Web of Science Researcher ID: L-8246-2016

Scopus Author ID: 57220116378

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 19.06.2023; одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 25.07.2023.

References

Avetikyan, G. (2020), "The 2020 Nagorno-Karabakh war: The regional dimension", *Pathways to Peace and Security*, no. 2, pp. 181–191, <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2020-2-181-191>.

Bolshakov, A. G. (2007), "Unacknowledged political state formations of post-Soviet space: Case of Nagorno-Karabakh", *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, vol. 149, no. 3, pp. 129–145.

Vitkovskaya, T. B. and Nazukina, M. V. (2021), "The trajectory of the development of regionalism in Russia: Practices of Sverdlovsk Oblast and the Republic of Tatarstan", *Universe of Russia*, vol. 30, no. 1, pp. 67–87, <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-67-87>.

Ibrahimov, A. G. (2020), "The Nagorno-Karabakh problem in the context of regional interests", *Post-Soviet Studies*, vol. 3, no. 3, pp. 200–205, <https://doi.org/10.24411/2618-7426-2020-00022> [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nagorno-karabakhskaya-problema-v-kontekste-regionalnyh-interesov> (Accessed June 26, 2023).

Kotcharian, Sh. (2016), *Pochemu do sikh por ne uregulirovan nagorno-karabakhskii konflikt?* [Why is the Nagorno-Karabakh conflict still not settled?], LLC "MIA", Yerevan, Armenia.

Markedonov, S. M. (2018), "The thirty years of the Nagorno-Karabakh conflict: Basic stages and prospects of the resolution", *Post-Soviet Studies*, vol. 1, no. 2, pp. 129–138, <https://doi.org/10.24411/2618-7426-2018-00024> [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tridtsat-let-nagorno-karabakhskogo-konflikta-osnovnyye-etapy-i-perspektivy-uregulirovaniya> (Accessed June 24, 2023).

Popov, F. A. (2012), *Geografiya setsessionizma v sovremennom mire* [Geography of secessionism in the modern world], Novyi khronograf, Moscow, Russia.

Prokhorenko, I. L. (2018), *Evropeiskaya integratsiya i problema separatizma v gosudarstvakh – chlenakh Evropeiskogo soyuza* [European integration and the problem of separatism in the member States of the European Union], Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia.

Turov, N. L. (2021), *Fenomen separatizma v sovremennom mire: analiticheskie obzory* [The phenomenon of separatism in the modern world: An analytical review], Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia.

Beramendi, P. (2014), *The political geography of inequality: Regions and redistribution*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, <https://doi.org/10.1017/CBO9781139042796>.

Buchanan, J. M. and Faith, R. L. (1987), "Secession and the limits of taxation: Toward a theory of internal exit", *The American Economic Review*, vol. 77, no. 5, pp. 1023–1031.

Cederman, L.-E., Hug, S., Schadel, A. et al. (2015), "Territorial autonomy in the shadow of conflict: Too little, too late?", *American Political Science Review*, vol. 109, no. 2, pp. 354–370, <https://doi.org/10.1017/S0003055415000118>.

Coppieters, B. (1999), "The roots of the conflict", in Cohen, J. (ed.), *A question of sovereignty: The Georgia-Abkhazia peace process*, Conciliation Resources, London, UK, pp. 14–19.

Cunningham, K. G. (2014), *Inside the politics of self-determination*, Oxford University Press, New York, NY, US.

Derluguian, G. M. (1998), "The tale of two resorts: Abkhazia and Ajaria before and since the soviet collapse", in Crawford, B. and Lipschutz, R. D. (eds.), *The myth of "ethnic conflict": Politics, economics, and "cultural" violence*, Institute of International Studies, Berkeley, CA, US, pp. 261–292.

Eck, K. (2009), "From armed conflict to war: Ethnic mobilization and conflict intensification", *International Studies Quarterly*, vol. 53, no. 2, pp. 369–388, <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2009.00538.x>.

Griffiths, R. (2016), *Age of secession. The international and domestic determinants of state birth*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, <https://doi.org/10.1017/CBO9781316676479>.

Griffiths, R. (2015), "Between dissolution and blood: How administrative lines and categories shape secessionist outcomes", *International Organization*, vol. 69, no. 3, pp. 731–751, <https://doi.org/10.1017/S0020818315000077>.

Griffiths, R. and Martinez, A. (2021), "Local conditions and the demand for independence: A dataset of secessionist grievances", *Nations and Nationalism*, vol. 27, no. 2, pp. 580–590, <https://doi.org/10.1111/nana.12667>.

Juon, A. (2020), "Minorities overlooked: Group-based power-sharing and the exclusion-amid-inclusion dilemma", *International Political Science Review*, vol. 41, no. 1, pp. 89–107, <https://doi.org/10.1177/0192512119859206>.

Lynch, D. (2004), *Engaging Eurasia's separatist states: Unresolved conflicts and the de facto states*, United States Institute for Peace, Washington, D.C., US.

O'Brochta, W. (2017), "Regional autonomy in rich regions: evidence from Ajara, Georgia", *Caucasus Survey*, vol. 6, no. 1, pp. 18–41, <https://doi.org/10.1080/23761199.2017.1344028>.

Roth, H. (2015), *Let's split! A complete guide to separatist movements and aspirant nations, from Abkhazia to Zanzibar*, Litwin Books, Sacramento, CA, US.

Sambanis, N., Germann, M. and Schädel, A. (2018), "SDM: A new data set on self-determination movements with an application to the reputational theory of conflict", *Journal of Conflict Resolution*, vol. 62, no. 3, pp. 658–686, <https://doi.org/10.1177/0022002717735364>.

Swain, A. (2007), *Diasporas, armed conflicts and peacebuilding in their homelands*, Uppsala University, Uppsala, Sweden.

Wood, J. (1981), "Secession: A comparative analytical framework", *Canadian Journal of Political Science / Revue Canadienne De Science Politique*, vol. 14, no. 1, pp. 107–134, <https://doi.org/10.1017/S000842390003537X>.

Information about the authors

T. B. Vitkovskaya – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher of the Institute for Humanitarian Studies, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 13a Lenin Str., Perm, 614990, Russia

SPIN-code (RSCI): 5414-6860

AuthorID (RSCI): 510365

Web of Science ResearcherID: L-8284-2018

M. V. Nazukina – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher of the Institute for Humanitarian Studies, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 13a Lenin Str., Perm, 614990, Russia

SPIN-code (RSCI): 6543-3557

AuthorID (RSCI): 251245

Web of Science ResearcherID: L-8246-2016

Scopus Author ID: 57220116378

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 19.06.2023; approved after reviewing 25.07.2023; accepted for publication 25.07.2023.